

Influence of COVID-19 on the socio-political situation in the Republic of Korea

L. I. Semina¹, T. S. Akopova²

¹Institute of China and Contemporary Asia of Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-374-381

Research article
Full text in Russian

The article discusses factors that directly and indirectly affect the election process. Using the pandemic as an example, the authors show how relations between political authorities and population are developing under the pressure of crisis conditions, when political decisions either meet the needs of the population or contradict them, in the first case it creates a situation of stabilization, in the second - destabilization in the country. The evolution of population attitude towards the government at the beginning and during the spread of the disease has been changed, depending on the decisions made by the government, and influenced the results of the elections. It is emphasized that in the face of danger, it is possible to unite the nation and combine efforts with the authorities, however, as the situation worsens, the attitude towards the government increasingly depends on the measures that it takes in the process of social upheaval. The authors trace the chronology of events in South Korea during the pandemic, show the distribution of political forces, conduct a detailed analysis of the measures taken by the government, the legislative framework, and assess the degree of effectiveness of political decisions. The authors, in particular, highlight the fact that both the timely introduction of quarantine and its untimely removal, from voters' point of view, had a direct impact on them, while the number of cases during the pandemic had an indirect impact on the election results. The role of the Korean mentality and culture is also mentioned, as far as it ensured a high level of unity of the nation, the voluntary restriction of personal freedom demonstrated a high level of freedom of the South Korean society as a result of a voluntary choice.

Keywords: pandemic; crisis; trust in the government; direct and indirect affect; stabilization; Republic of Korea

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Semina, Lada I. | E-mail: semina@iccaras.ru
(correspondence author) | ORCID iD: 0000-0003-4413-3086
Deputy Director

Akopova, Tatiana S. | E-mail: t.akopova@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0003-0770-0758
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

For citation: Semina L. I., Akopova T. S. Influence of COVID-19 on the socio-political situation in the Republic of Korea // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 374-381. (in Russ.)

Влияние COVID-19 на социально-политическую ситуацию в Республике Корея

Л. И. Семина¹, Т. С. Аكوпова²

¹Центр корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН, Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-374-381
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются факторы, непосредственно и опосредованно влияющие на процессы выборов. На примере пандемии авторы показывают, как складываются отношения представителей политической власти и населения в кризисных условиях, когда политические решения либо соответствуют запросам населения, либо противостоят им, в первом случае создавая ситуацию стабилизации, во втором – дестабилизируя обстановку в стране. Отношение населения к правительству в начале и в процессе распространения заболевания менялось, в зависимости от принимаемых правительством решений, влияло на результаты выборов. Подчеркивается, что перед лицом опасности возможно сплочение нации и объединение с властью, однако по мере усугубления ситуации отношение к правительству все более зависит от мер, которые оно принимает в процессе социальных потрясений. Авторы прослеживают хронологию событий в Южной Корее во время пандемии, показывают распределение политических сил, проводят подробный анализ принимаемых правительством мер, законодательной базы, оценивают степень эффективности политических решений. Авторы, в частности, указывают на тот факт, что непосредственное влияние на избирателей оказало как своевременное введение карантина, так и несвоевременное, с их точки зрения, его снятие, в то время как число заболевших во время пандемии оказывало косвенное влияние на результаты выборов. Подчеркивается также роль корейского менталитета и культуры, которые обеспечили высокий уровень сплочения нации и добровольным ограничением личной свободы продемонстрировали высокий уровень свободы южнокорейского общества как результат добровольного выбора.

Ключевые слова: пандемия; кризис; доверие правительству; непосредственное; опосредованное влияние; стабилизация; Республика Корея

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семина, Лада Игоревна | E-mail: semina@iccaras.ru
(автор для корреспонденции) | ORCID iD: 0000-0003-4413-3086
Старший научный сотрудник

Акопова, Татьяна Сергеевна | E-mail: t.akopova@uniyar.ac.ru
| ORCID iD: 0000-0003-0770-0758
Кандидат социологических наук, доцент, декан факультета
социально-политических наук

Для цитирования: Семина Л. И., Аكوпова Т. С. Влияние COVID-19 на социально-политическую ситуацию в Республике Корея // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 374-381.

© Семина Л. И., Аكوпова Т. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Тяжёлые вызовы, такие как стихийные бедствия или экономические потрясения, могут повлиять на результаты выборов [1, с. 37–54]. Пандемия в данном случае не является исключением. Подобные события дают избирателям возможность узнать о реакции действующих властей на кризисные явления. Если избиратели понимают или ожидают, что руководство страны делает или будет делать то, что должно, можно ожидать положительного результата выборов для текущей власти [2; 3].

Согласно исследованиям МВФ [4], эпидемии в долгосрочной перспективе вызывают социальную нестабильность, хотя в краткосрочной перспективе и могут вызывать сплоченность населения перед серьёзной угрозой. Однако постепенно социальные проблемы усугубляются и могут привести к значительным шокам, вплоть до смены правительства. Ситуация в Республике Корея во время пандемии COVID-19 частично подтверждает данную точку зрения. На парламентских выборах в апреле 2020 г., в разгар эпидемии, правящая Демократическая партия «Тобуро» совместно с Народной партией «Тобуро» получила существенный перевес голосов (180 мандатов из 300). По оценкам южнокорейских ученых [5], на результаты данных выборов количество заболевших повлияло лишь опосредованно. Связующим звеном в данном случае является доверие к правительству, которое должным образом, с точки зрения избирателей, отреагировало на вызов. Оценка компетентности и честности руководства страны в вопросе принимаемых мер по защите населения от COVID-19 повлияла на результаты парламентских выборов 2020 г. Доверие к правительству определяет готовность граждан следовать тем решениям, которые принимает руководство страны.

Хронология событий в Южной Корее в начале эпидемии даёт возможность понять, какие меры и при какой ситуации были приняты. Первый случай заболевания COVID-19 в РК был зафиксирован 20 января. Карантин для въезжающих из провинции Хубэй был введён заблаговременно, ещё до появления первого случая: 3 января ввели обязательный скрининг для приезжающих из этого региона. Расширение карантинного списка стран в РК произошло 12 февраля, к нему добавились Гонконг и Макао. Первая смерть от коронавируса в Корее была зафиксирована 20 февраля. Первое закрытие части школ в некоторых городах было объявлено уже 3 февраля, когда число новых случаев достигло 15 в сутки. Однако массовое закрытие учебных заведений произошло 2 марта, когда в среднем в день выявляли около 500 новых случаев заболевания с пиком 29 февраля – 813 человек (3 марта уже был выявлен 851 случай, что является пиком первой волны). 4 марта 2020 года в РК был принят закон, согласно которому лица с подозрением на коронавирус, отказывающиеся от прохождения теста, должны быть привлечены к ответственности. Также действует закон, принятый до пандемии, согласно которому за нарушение карантина или режима госпитализации гражданину грозит штраф до 10 млн. вон (около 7,7 тыс. долларов¹) или тюремный срок до года [6]. По данным на 15 апреля 2020 г., день парламентских выборов в Южной Корее, в стране за весь предшествующий период COVID-19 был диагностирован у 10 591 гражданина [7]. Для сравнения, в соседней Японии к этому же дню было выявлено 8 645 больных² при населении в 2,4 раза больше.

Опыт Южной Кореи, которая смогла справиться с первой волной буквально за несколько недель [8], находясь на втором месте после Китая по количеству за-

¹ Посчитано по курсу на 02.08.2022.

² В Японии первый случай заболевания COVID-19 был зафиксирован 16 января.

ражённных, активно обсуждался в международных СМИ. Принятые меры казались эффективными, правительство страны активно делилось с другими странами своими экспертными рекомендациями. Такие медиа, как BBC News, CNN, The Washington Post, The Wall Street Journal, Bloomberg, Agence France-Presse, российские новостные агентства, дали положительную оценку принятым правительством РК мер и проводили аналитику их эффективности. Особенно привлекательным казалось то, что РК не прибегала к массовому локдауну [9], ограничившись лишь локальными карантинами там, где были выявлены случаи заболевания. Для борьбы с распространением эпидемии в Южной Корее пропагандировалась политика трёх «Т» (test – массовое тестирование, trace – отслеживание контактов заболевших, treat – своевременная помощь заболевшим) [10]. Правительство РК реагировало довольно оперативно, так как был жив в памяти негативный опыт с эпидемией MERS в 2015 году, но при этом сравнительно мягко, чтобы сохранить экономическую активность в стране.

Несмотря на то, что в начале эпидемии правительство РК подверглось критике из-за слишком запоздалого закрытия границ с Китаем, так как об эпидемии было известно, но сообщение не было приостановлено, открытая политика правительства [11] и оперативность принимаемых мер повысили доверие населения к руководству страны, что и показали парламентские выборы 2020 г. Успехи Южной Кореи в борьбе с коронавирусом в 2020 г. были отмечены и в пилотном Индексе COVID-19 [12], разработанном Кембриджским университетом для стран ОЭСР, где Южная Корея заняла первое место с показателем 0,9.

В апреле 2020 г. население страны не только проявило доверие к действующей власти, но и, согласно теории исследователей МВФ, сплотилось перед лицом угрозы. Президентские выборы 9 марта 2022 г. в Южной Кореи, в соответствии с той же теорией, продемонстрировали раскол общества. Разница в количестве голосов у двух ведущих кандидатов составила менее 1 %, и победу одержал Юн Сок Ёль, представитель консервативной партии «Сила народа». Выборы были непростыми, как и внутрипартийная обстановка, которая, безусловно, сильно повлияла на результаты. Что касается опосредованного влияния пандемии, то выборы проходили в самый сильный её пик – уже во второй половине февраля 2022 г. начали регистрировать сотни тысяч новых случаев заболевших в сутки, что не идет ни в какое сравнение с предыдущими волнами пандемии. Такой активный рост заболеваемости списывали на слишком раннее снятие ограничений правительством Республики Корея, предполагая, что это были популистские меры перед президентскими выборами.

Таким образом, снятие ограничений в ноябре 2021 г., после которого началась новая волна пандемии, подорвало доверие граждан к правительству. Из-за растущего числа заболевших правительству уже 18 декабря того же года пришлось заново вводить ограничительные меры, сокращающие часы работы мест общественного питания и устанавливающие лимит на количество участников частных собраний. При этом речь идет не об объективной эффективности тех или иных мер, так как ограничительные меры начали снимать только, когда более 70 % населения было вакцинировано. Этот порог должен был обеспечить коллективный иммунитет, поэтому действия руководства страны основывались на данных учёных. Однако начало 2022 г. во всем мире охарактеризовалось новой, более сильной волной заболеваемости COVID-19, которую связывали с тем, что господствующий на тот момент штамм «омикрон» имеет более высокую контагиозность, чем предыдущие штаммы, а также

с тем, что вакцинация снизила осмотрительность людей и они перестали соблюдать элементарные меры предосторожности.

Наряду с принятыми правительством Мун Чжэ Ина мерами, стоит отметить и готовность корейской медицинской системы к подобным сценариям из-за опыта³ с эпидемией SARS и MERS во времена президентства Пак Кын Хе. Говоря об особой готовности, мы имеем в виду принятый в 2016 г. закон, позволяющий применять незарегистрированные в стране наборы для диагностики *in vitro* в экстренных ситуациях, что и позволило, избегая бюрократических проволочек, начать массовое тестирование практически сразу. Кроме того, был дополнен закон о контроле и профилактике инфекционных заболеваний, в котором появилась статья о публичном раскрытии информации. Т. е. предыдущий опыт подготовил для Южной Кореи законодательную базу для быстрого реагирования в случае эпидемии.

Если при крупном рассмотрении принятые ограничения и законы встречают понимание населения, которое отражается на результатах выборов (поддержка во время парламентских выборов и раскол после роста заболеваемости, который связывают с отменой ограничений), то при изучении ситуации более локально отмечаются негативные явления от принятых антиковидных мер.

Стоит отметить, что рекомендованная во всех странах социальная дистанция могла иметь негативные последствия в социальном плане для РК. В южнокорейской культуре имеют большое значение корпоративные ужины и деловые встречи. Социальное дистанцирование сократило подобные встречи до минимума. Однако отделить экономические последствия, вызванные самим кризисом, от влияния изменений корпоративной культуры сложно. Можно упомянуть, что в южнокорейской культуре есть три важных понятия в бизнесе: «хвесик», «кибун» и «нунчи»⁴. «Хвесик» – корпоративный неформальный ужин, нацеленный на сближение коллектива, отмечался экспертами как негативный фактор корпоративной культуры, так как эти ужины были «добровольно-принудительными» и сопровождалась большим количеством алкоголя. В последние годы их стали заменять более здоровыми тимбилдингами, спортивными мероприятиями. Поэтому, с одной стороны, пандемия может способствовать исчезновению негативной культуры совместного добровольно-принудительного распития спиртного, но, с другой стороны, она рушит и здоровое общение коллектива в неформальной обстановке, которое необходимо для эффективной и гармоничной работы компаний. Второе понятие – «кибун» – означает «настроение, лицо, достоинство» [13, с. 264], которое надо уважать у своего собеседника и чувствовать его. «Нунчи» – особая способность считывать собеседника, его чувства и невысказанные мысли. Одно из правил «нунчи» – смотреть и слушать, понимать настроения в окружающей обстановке. Это важно и в бизнесе. Однако при социальной дистанции, удалённой работе и переговорах очень непросто использовать эту способность. В южнокорейской культуре важно личное общение. Насколько это влияет на отклонённые сделки и незакрытые контракты, сказать сложно, так как могут быть и другие объективные причины.

Самое существенное различие РК в подходах борьбы в сравнении с большинством других стран – это трекинг заражённых с информированием населения об их

³ Демократы, будучи оппозицией на тот момент, позиционировали этот опыт как негативный, называя его очередным провалом действующей власти, хотя по абсолютным показателям ситуация не была экстраординарной.

⁴ При переводе с английского в русскоязычной литературе можно встретить написание «нунчи», что неверно с точки зрения правил транскрипции с корейского языка на русский.

перемещениях. Именно этот пункт и имел наибольшее влияние на социум. Несмотря на понимание корейцами необходимости принимаемых мер и их поддержку, наблюдаются интересные негативные эффекты. Проблема заключается в том, что данные о перемещениях заболевшего передаются посредством текстовых сообщений на мобильные телефоны тех людей, кто проживает в том же районе или мог пересекаться с больным в других местах, которые он посещал за сутки до появления первых симптомов. Разумеется, в данных сообщениях не указываются имена, однако, как показала практика, подобные рассылки послужили поводом для травли заражённых вирусом граждан. Удар по репутации имеет, как правило, две причины: во-первых, активная социальная жизнь заражённых (несмотря на то, что они не знали о болезни на тот момент: данные берутся за сутки до появления первых симптомов) и обвинение их в распространении вируса и возведение пострадавших фактически в статус «прокажённых». Во-вторых, из-за отслеживания всех передвижений и публикации информации о них открылись некоторые факты жизни заболевших граждан, такие как, к примеру, адюльтер. Были зарегистрированы жалобы на травлю и даже несколько единичных случаев суицида⁵. [14] Кроме того, ещё одна проблема – состояние повышенной нервозности, когда человек получает сообщение, что мог пересекаться с заражённым.

Команда исследователей из Сеульского национального университета провела опрос 1000 корейцев, чтобы узнать, что их пугает больше: 1. Потенциальные носители болезни вокруг. 2. Критика и дальнейшая травля из-за инфицирования. 3. Что у них не будет бессимптомного заболевания. Команда профессора Ю Мён Сун выяснила, что именно второй пункт пугает население больше, чем страх перед самим заболеванием [14].

Другой интересный эффект наблюдался в Южной Корее, как и в ряде других стран, – это манипуляция информацией в политических целях [15]. Авторы применили методы критического анализа публикаций в СМИ для отслеживания противоречий и выявления манипуляций. Республика Корея успешно провела парламентские выборы прямо в разгар эпидемии, и новых случаев заболевания после этого выявлено не было. Данный факт активно освещался в СМИ, и РК предлагала другим странам воспользоваться положительным опытом. При этом демонстрации, невыгодные власти, были отменены по причине «ковидной угрозы». Также интересно отметить, что в СМИ делался акцент на источниках новых вспышек, таких как секты, бары для лиц нетрадиционной ориентации. Были отмечены развешанные на кафе и магазинах объявления, где говорилось о запрете на вход для приверженцев секты, обвинённой в очередной вспышке. Для южнокорейских корпораций и общества в целом «характерны тесные связи и взаимопомощь внутри группы и высокая конкуренция с теми, кто вне группы» [13, с. 264], поэтому общество быстро определяет себе «врага» и очень агрессивно реагирует на новость о группах, где произошло массовое заражение.

Стоит обратить внимание на то, как в СМИ рассказывается о новых вспышках и какую реакцию общественности они имеют. Итак, начало эпидемии связывают с сектой «Церковь Иисуса Синчхончжи», вторая волна вызвана «разгульным» образом жизни человека нетрадиционной ориентации, третья волна опять связана с цер-

---

⁵ Стоит отметить, что в целом количество суицидов во время пандемии в РК только сократилось в сравнении с 2019 г., поэтому здесь мы говорим о единичных случаях, а не о тенденции.

ковью – «Саран Чжеиль»⁶. Стоит отметить, что во всех трёх случаях озвучивались виновные. Именно так воспринимает общественность подобные новости. После таких сообщений начинаются настоящие гонения и обвинения сторонников церкви или определённого образа жизни. Общество определило для себя врага и начинает с ним бороться, что ведёт к двум негативным последствиям: во-первых, оказаться заражённым становится стыдно, так как именно в этом ключе СМИ преподнесли начало новых вспышек, люди понимают, что в случае положительного теста они могут подвергнуться такому же гонению; во-вторых, усиливается раскол общества и остро встаёт вопрос, не используется ли коронавирус в политических целях, учитывая, что обе церкви, придерживающиеся консервативных политических взглядов, на тот период находились в оппозиции к действующей власти.

Во время первой вспышки многие корейцы выступили против «Церкви Иисуса Синчхончжи» и собирали подписи для её закрытия. Несмотря на то, что некоторые полагают, что правительство вело себя предусмотрительно и не обвиняло напрямую Церковь, чтобы не потерять активный электорат [16], на деле получилось совсем иначе – озвучивание источника эпидемии, сообщение о препятствии в тестировании – и народ начинает травлю. Полагаем, что в данном контексте сам факт анонсирования источника и сообщение деталей является косвенным обвинением. В дальнейшем, 1 августа, основатель Церкви Ли Ман Хи был арестован за предоставление ложной информации властям и за хищения в размере 4,7 млн. долларов [17].

Важную роль в реакции на принимаемые против коронавируса меры играет менталитет и культура [18]. Население РК, как страны с конфуцианскими устоями [19], полагает, что благо нации и коллектива важнее индивидуального удобства. Ношение маски, доставляющее дискомфорт при ношении, кажется естественным для корейцев, если это поможет оградить людей вокруг от потенциального заражения. Раскрытие личных данных для отслеживания потенциальных контактов заражения в целях всеобщей безопасности встречает понимание. Соблюдение карантина – не вызывает возмущения. Даже нарушение важных культурных привычек, таких как корпоративные совместные ужины, личные встречи для бизнеса, приводит к использованию альтернативных вариантов взаимодействия. Общая безопасность ставится превыше личной свободы [20], что позволяет сохранять границы этой свободы шире, чем было в других странах.

Ссылки

1. Ashworth S., Ethan B., & Amanda F. Learning about voter rationality // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62, Issue 1. P. 37–54.
2. Achen C. H., Larry M. B. *Democracy for realists: Why elections do not produce responsive governments*. Princeton: Princeton University Press. 2017. DOI 10.1515/9781400888740.
3. Bellucci P., Marina C. L., Michael S. Economic crisis and elections: The European periphery // *Electoral Studies*. 2012. Vol. 31, Issue 3. P. 469–471. DOI 10.1016/j.electstud.2012.02.009.

---

⁶ В российских СМИ также встречается написание «Саран чеиль» (этот вариант возможен по правилам); «Саранг Джейл», «Саран Джеиль» что с точки зрения правил транскрипции с корейского на русский язык неверно.

4. Barrett Ph., Chen S. Social Repercussions of Pandemics. 29.01.2021 // IMF Working Paper. № 2021/021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/01/29/Social-Repercussions-of-Pandemics-50041> (дата обращения: 15.08.2022).
5. Seungwon Yu, Eun Ji Yoo, Suhee Kim. The effect of trust in government in elections during the COVID-19 pandemic in South Korea. 12.05.2022 // Asian Politics and Policy. 2022. Vol. 14. Issue 2. P. 175–198. DOI 10.1111/aspp.12631.
6. Quarantine Act. Ch. 5 // Law Viewer. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46420&type=part&key=36 (дата обращения: 10.01.2021).
7. Worldometers.info: онлайн-справочник. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (дата обращения: 19.06.2021).
8. Сёмина Л. И. Опыт Республики Корея по борьбе с эпидемией COVID-19: первые итоги // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 2. С. 77–94.
9. COVID-19 in Korea: Success Based on Past Failure / B. Lim, E. K. Hong, J. Mou, I. Cheong // Asian Economic Papers. 2021. Vol. 20, Issue 2. P. 41–62. DOI 10.1162/asep_a_00803.
10. Yilmaz M. S., Aydin, N. 3T key to South Korea's success in COVID-19 fight // Anadolu Agency. 22.05.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/3t-key-to-south-koreas-success-in-covid-19-fight/1850084> (дата обращения: 20.06.2021).
11. Kim H. The sociopolitical context of the COVID-19 response in South Korea // BMJ Global Health. 2020. Vol. 5, No 5. Art. ID e002714. DOI 10.1136/bmjgh-2020-002714
12. The Sustainable Development Goals and COVID-19. Sustainable Development Report 2020 / J. Sachs, G. Schmidt-Traub, C. Kroll, G. Lafortune, G. Fuller, F. Woelm // Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2020/2020_sustainable_development_report.pdf (дата обращения: 15.08.2022).
13. Пострелова М. Н. Трансформация корпоративной культуры Республики Корея // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В 2-х т. Т. 1. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 261–275.
14. Coronavirus privacy: Are South Korea's alerts too revealing? // BBC. 05.03.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51733145> (дата обращения: 15.08.2020).
15. Асмолов К. В. Президентские выборы-2022 в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2022. Выпуск № 2. С. 80–96.
16. В Южной Корее требуют закрытия христианской секты, ставшей рассадником коронавируса // ВестиRU. 26.02.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/1275283> (дата обращения: 15.08.2020).
17. Volodzko D. South Korea's COVID-19 Church Scapegoat Is Fighting Back // Foreign Policy. 19.08.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/19/south-korea-coronavirus-scapegoat-shincheonji/> (дата обращения: 18.12.2020).
18. Mayer J. D., Schintler L. A., Bledsoe S. Culture, freedom, and the spread of Covid-19: Do some societies and political systems have national anti-bodies? // World Medical and Health Policy. 2020. Vol. 12. Issue 4. P. 498–511. DOI 10.1002/wmh3.377.
19. Allinson RE. The Primacy of Duty and Its Efficacy in Combating COVID-19 // Public Health Ethics. 16.10.2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7665680/> (дата обращения: 15.08.2022).
20. How Does Confucianism Influence Health Behaviors, Health Outcomes and Medical Decisions? A Scoping Review / B. Badanta, M. González-Cano-Caballero, P. Suárez-Reina et al // Journal of Religion and Health. 2022. Vol. 61. Issue 4. P. 2679–2725. DOI 10.1007/s10943-022-01506-8.